

Мэри Элис Монро

ГДЕ
СЛИВАЮТСЯ
РЕКИ

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
М77

Mary Alice Monroe
WHERE THE RIVERS MERGE
Copyright © Mary Alice Monroe LTD, 2025
All rights reserved

Перевод с английского Анастасии Рудаковой
Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Монро М. Э.

М77 Где сливаются реки : роман / Мэри Элис Монро ; пер. с англ. А. Рудаковой. — М. : Иностранка, Издательство АЗБУКА, 2026. — 432 с. — (Сага).

ISBN 978-5-389-29145-4

Действие романа известной американской писательницы разворачивается в цветущей усадьбе Мэйфилд на фоне живописных пейзажей Южной Каролины XX века. Драматичная и масштабная история семьи, охватывающая несколько поколений, развивается в двух временных пластах и рассказывает о бескомпромиссной любви, усвоенных горьких уроках, вынужденных жертвах и несгибаемом духе женщины, готовой выстоять в любых испытаниях, чтобы защитить семейное наследие и любимую землю.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-29145-4

© А. А. Рудакова, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Возвращение домой

Если есть запах у сна, то он зарождается здесь,
Где цветы поднимают головки во мгле
И ловят проблески зари, трепещущие над землей,
Меж ветра змеистых хвостов клиновидных,
Что ощупью путь в темноте пролагают, как корни.

Очнувшись от изумрудной тиши сновидений,
Я утоляю жажду теплым дождем
И в почве выкапываю две ямки:
Туда я поставлю усталые ноги свои,
Ведь нужно еще хоть немного пожить.

Марджори Уэнтворт. Возвращение домой

ПРОЛОГ

1908

Солнце в пунцовом небе клонилось к закату. В обнесенном оградой цветнике стояла девочка. Увешанные мхами дубы высились зоркими стражами, бесчисленные белые камелии таинственно мерцали в сумерках, и весь мир словно затаил дыхание. Вдали раздались первые слабые гнусавые крики уток. Девочка представила, как они летят по небу громадной, трепещущей темной тучей, устремляясь с реки в рисовые поля на ночлег.

«Улетайте!» — кричало ее сердце.

В следующее мгновение она услышала звуки пятиголосных манков, которыми ее отец и его друзья, сидевшие в укрытии с ружьями наготове, подзывали уток поближе. Одновременно из дома позади нее донесся взрыв пронзительного хохота. Девочка оглянулась через плечо на высокие окна, исторгающие потоки яркого света, и увидела свою мать и ее подруг в длинных платьях, с шевелящимися алыми губами. Она поежилась в сумеречной прохладе. Девочка терпеть не могла подобные вечеринки, и ей очень не нравилось, как вела себя мама, когда пила из бокалов на длинных ножках.

Когда померкнувшее небо наполнилось кряканьем, появилась темная утиная стая, приближавшаяся к рисовым полям. Внезапно вечернюю тишину разорвали громовые выстрелы. На соседних деревьях загалдели птицы, и сердце девочки затрепыхалось от невыразимой печали. Она пу-

стилась бежать, слепая босыми ступнями по кирпичной дорожке, выскочила за ограду сада и помчалась по ухоженной лужайке, простиравшейся вплоть до старинных рисовых прудов, ныне разбухших от прибывающей воды. С каждым взмахом руки она умоляюще повторяла про себя: «Улетайте, улетайте, улетайте...»

Девочка устремила в лесную чащу, спасаясь от монотонного треска выстрелов в небе и исступленного женского смеха. Сверкнула молния, заставив малышку броситься в густые кусты на границе лужайки и леса. Ветки царапали её лицо и руки, цеплялись за волосы, выдергивая темные пряди из-под ленты на голове. Внутренний голос шепнул бедняжке, что не стоит слишком удаляться от тропинки, но девочка мчалась и мчалась вперед, хотя вокруг сгущались мгла, скрадывая знакомые ориентиры. Никогда еще она не убегала так далеко.

Когда звуки выстрелов сменились глухими раскатами грома, малышка остановилась и прислушалась, замерев, точно наостривший уши олененок. Отдышавшись, она услышала, как ветер шуршит в кронах деревьев и постукивает жесткими листьями сабалей¹, предвещая бурю. Минуту спустя по плотному полог у нее над головой негромко забарабанил дождь. Затем на лоб упала первая капля, крупная и холодная. Девочка снова бросилась бежать, едва касаясь босыми ступнями слежавшихся палых листьев, устилавших землю. Выскочив на широкую прогалину, она снова остановилась, прижав руки к груди и тяжело дыша. Неожиданно встретившаяся ей на пути поляна оказалась огромной. Дикие травы колыхались на ветру, точно океанские волны.

¹ Вид пальм. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Посреди луга возвышался, будто величественный монарх, гигантский вечнозеленый дуб. Таких исполинов девочка никогда еще не видела. Его огромный силуэт вырисовывался на фоне багровеющего неба необъятной горой. Невозможно было сосчитать все эти толстенные богатырские сучья, далеко простирающиеся над травой, грациозно клонясь к земле. Змеящиеся ветви к кончикам сужались и загибались, словно манящие к себе узловатые пальцы. У подножия гигантского ствола девочка заметила большую расщелину.

Свирепый раскат грома подстегнул бедняжку, и, побуждаемая инстинктом, она ринулась через поляну под сень дуба-великана. Однако, очутившись перед дуплом, не залезла внутрь, а застыла в нерешительности, как дикое животное у входа в темную пещеру.

— Кыш! — крикнула девочка и хлопнула в ладоши. Из дупла не донеслось ни звука. Бурый щиточешуйник, которым густо обросли неровные края расщелины, прямо у нее на глазах стал ярко-зеленым. Малышка сделала шаг вперед и снова застыла, готовая в любой момент сорваться с места и умчаться прочь. Внезапно хлынувший ливень обрушил на нее поток воды, который обжег нежную кожу ледяным холодом и заставил девочку устремиться в чрево царственного великана.

Тьма пахла прелыми листьями, грибами и землей. Продрогшая до костей малышка глубоко вздохнула и устроилась поудобнее: подтянула острые коленки к груди и обхватила их исцарапанными худыми ручонками. Потом натянула на голые ноги подол мокрой ночной рубашки, но теплее не стало. Доносящийся снаружи шум дождя походил на барабанный бой.

Мало-помалу глаза привыкли к темноте, и девочка смогла разглядеть длинные неровные гребни на стенках дупла

ла. Внезапно ее осенило, что она попала внутрь дерева, и это вызвало у малышки улыбку. Толстые складки коры устремлялись ввысь подобно сводам церкви в Чарлстоне, куда мама водила ее по воскресеньям. В углу панически металась стайка пауков-сенокосцев.

— Я вас не трону, — сказала им девочка, и эхо ее голоса наполнило маленькую пещерку. Внезапное что-то защекотало пальцы ног, заставив малышку вздрогнуть, после чего она, хихикнув, смахнула на землю блестящего зеленого жука. «Кроме букашек в этом старом дупле никого и нет», — подумалось ей.

Утомленная быстрым бегом, девочка зевнула и растянулась на мшистой земле, мягкой, как пуховая перина. Положив голову на руку, она вдохнула тяжелый аромат сырой почвы. Здесь было так спокойно и уютно. Шум дождя по утих и превратился в усыпляющий шелест. Малышка закрыла глаза и незаметно погрузилась в глубокий сон.

ГЛАВА 1

Ист-Бэй-стрит — знаменитая улица в Чарлстоне, появившаяся почти 350 лет назад. На Бэттери, напротив дамбы чарлстонской гавани, располагается легендарный «радужный ряд»: группа исторических особняков, окрашенных в пастельные тона.

1988

Мне снова снилось, будто я свернулась клубочком в дупле огромного дерева. Я чувствовала запах сырой почвы. Ощущала под пальцами пушистый мох. Слышала, как барабанит по стволу древнего дуба дождь. Кто-то звал меня по имени:

— Мисс Элиза, проснитесь!

Я заморгала, пробуждаясь от грез.

— Вставайте же! Сегодня ваш день рождения, — наседал преувеличенно веселый голос. — Восемьдесят восьмой!

Сновидение окончательно развеялось, и я вздохнула. Мне хотелось остаться там, в дупле дуба.

— Уйди!

Моего плеча осторожно коснулась маленькая ручка.

— Доброе утро, мисс Элиза.

Приоткрыв один глаз, я увидела субтильную фигурку своей ассистентки Ханы Накамуры. Она была одета в мешковатые серые брюки и бесформенную коричневую рубашку, а в миниатюрных пальчиках сжимала канцелярский планшет. Темные волосы с единственной широкой седой

прядью были аккуратно собраны в пучок на затылке, который придавал Хане сходство с любопытным воробьем, наклонившим голову.

Я зарылась лицом в подушку.

— И что хорошего в том, чтобы стать еще на год старше? Все, кого я знала и любила, уже отправились к праотцам. А я по-прежнему обретаюсь тут — никак не доживу до смерти.

— Радуйтесь, что проснулись, мисс Элиза. Господь дал вам еще один день. Каждый новый день — это подарок.

— Подарок, которого я не просила, — проворчала я, откидывая одеяло. Хана мгновенно подалась вперед, чтобы помочь мне, но я отстранила ее: — Пускай я и старуха, но еще вполне способна сама подняться с постели, премного благодарна.

Я спустила с кровати ноги, а Хана тем временем раздвинула шелковые портьеры с густой бахромой, и нашим взглядам предстало ненастное чарлстонское утро. Окна дребезжали под порывами ветра, по стеклам монотонно барабанили капли дождя.

Поднявшись, я завернулась в атласный халат.

— Коль скоро сегодня мой день рождения, мне кажется, в это дождливое утро я имела полное право остаться в постели. И подремать... — Я вздохнула и завязала пояс. — Какой чудесный сон я видела. Про тайное убежище, которое нашла себе в детстве. В последнее время оно мне часто снится.

— Лучший способ сделать так, чтобы сон сбылся, — это проснуться и воплотить его в жизнь.

Непоколебимый оптимизм Ханы заставил меня тихонько усмехнуться.

— Как раз сегодня я и должна воплотить свои сны в жизнь, верно?

— Да, мэ.

Отгнав неотступный сон, я сосредоточилась на предстоящем дне.

— Что в расписании на сегодня?

Услышав, что мой тон изменился, Хана распрямилась и подняла планшет. Эта миниатюрная женщина обладала стальным характером.

— В девять часов у вас встреча с адвокатом в утренней столовой. В одиннадцать в бальном зале начнется собрание акционеров, за которым последует семейный ланч в яхт-клубе. Меню и выбор вин вы одобрили.

— Кошмарное сборище! — пробормотала я по дороге в ванную. Каждый год семнадцатого июня со всей страны в мой дом стекались родственники, чтобы поглазеть на интерьеры старинного особняка, насладиться хорошим вином и потрепаться друг с другом, хотя каждый из них втайне подозревал остальных в получении более прибыльных дивидендов — дивидендов, которые никто из них не заслужил своим трудом.

— Ты все приготовила к моему отъезду в Мэйфилд? Хотелось бы обойтись без проволочек.

— Разумеется. Вещи уже упакованы.

— Хорошо, — сказала я. Перспектива скорого отъезда из Чарлстона в загородный дом меня значительно приободрила. На пороге я обернулась и спросила: — Мой сын здесь?

Хана перестала улыбаться и кивнула.

— Артур в столовой. Со всей семьей.

— Надо полагать, пересчитывает серебро.

У Ханы хватило такта не усмехнуться.

* * *

Я спускалась по широкой лестнице как генерал, идущий на поле битвы. За долгие годы я принесла бесчисленные жертвы и сегодня была готова встретиться с врагом лицом

к лицу: стратегия разработана, войска развернута. Я разгладила трикотажную юбку тщательно подобранного черного костюма от Шанель — моей парадной брони. Фирменные золотые пуговицы сверкали, точно ордена.

Сегодня я не жена, не мать и даже не друг. Сегодня я не стану приносить извинений. От нынешней встречи зависит будущность дела моей жизни.

У подножия лестницы меня ждала Хана с неизменным планшетом под мышкой. Из столовой доносился зычный голос Артура. Шагая по длинному холлу, я крепко сжала трость. За выходящими на веранду окнами виднелись грозовые тучи, сквозь которые пробивался солнечный свет, обещая скорое прояснение. На побережье часто накатывали бури; они обрушивались на город холодными ливнями, затапливая улицы и разводя слякоть, после чего опять уходили в море. Бывает, люди тоже так делают, мелькнуло у меня в голове.

Подходя к столовой, я услышала фразу «природоохран- ный сервитут»¹ и резко остановилась. Оставаясь в тени, слегка подалась вперед и украдкой заглянула в комнату. Это было очень просторное помещение. Бледно-зеленые обои и малиновые шелковые шторы служили элегантным фоном для длинного чиппендейловского обеденного стола и стульев. Слева от меня, на стене над камином, висел мамин портрет. В моем кресле, стоявшем под портретом, по-хозяйски развалился Артур. Я заметила, что его синий блейзер слегка расходится по швам, а некогда рыжеватые волосы поседели и поредели. «Когда мой сын успел так постареть?» — подумалось мне.

¹ Сервитут — право на ограничение владельца какой-либо собственности в определенных отношениях либо ограниченное право пользования чужим имуществом.

В женщине с пышной светлой шевелюрой, сидевшей справа от Артура, я распознала его жену. Каролина говорила:

— Артур, ты опять кипятишься.

Тот сердито проткнул вилкой сосиску.

— Я не могу не злиться, когда думаю об этом. На что она рассчитывала? Отказаться от стольких земель все равно что вытащить наследство прямо у меня из кармана. — Он со звоном бросил вилку на стол. — Хотя ты права. С чего мне расстраиваться? Давно пора было привыкнуть. Мать никогда ко мне не прислушивается. Если она что-то решила — да помогут Небеса любому, кто встанет у нее на пути.

— Папа, почему тебя это вообще волнует? Ты вечно жалуешься, что в Мэйфилде тебе скучно. И никогда туда не едешь.

Я не видела Эшли, но сразу узнала вкрадчивый голос старшей внучки.

— О чем ты? — фыркнул Артур. — Я не раз возил туда на охоту друзей.

Каролина усмехнулась:

— Ты сам выходил в плавни и стрелял?

Столовая огласилась дружным женским смехом.

Артур с видом оскорбленного достоинства снова взял вилку.

— Я руководил охотой из дома. Занимался устройством гостей.

— Дорогой, не нужно ничего объяснять нам, — перебила его Каролина. — Всем известно, что забираться в лодку и часами торчать на холоде и в сырости — не самое лучшее развлечение в твоём понимании. Эшли имела в виду другое: почему ты так расстроился из-за природоохранного сервитута, затеянного твоей матерью? Земля останется

в твоей собственности. Ты по-прежнему сможешь возить туда на охоту друзей.

В шумную беседу вступил новый голос:

— Папа, я ничего не понимаю. Что вообще такое природоохранный сервитут?

Это был голос моей младшей внучки, восемнадцатилетней Саванны. Прошлой зимой Каролина только и твердила что о ее дебюте на балу Святой Сесилии. Я предложила для первого появления Саванны в свете бальный зал, что располагался на втором этаже.

Артур откинулся на спинку кресла и положил руки на подлокотники.

— Если в двух словах, — ответил он дочери с ноткой раздражения в тоне, — природоохранный сервитут — это соглашение между землевладельцем и природоохранной организацией, которое связывает собственнику руки. Владелец больше не сможет продать участок.

Я усмехнулась. Не слишком точное определение. Продажа земли возможна. Но в соглашении имеются пункты, согласно которым охранные меры будут действовать и при новом хозяине.

— Никогда? — пронзительным недовольным голосом уточнила Саванна.

Артур небрежно кивнул:

— До скончания веков.

— Не очень-то справедливо. И не слишком похоже на бабушку Элизу. Она деловая женщина. Не в ее духе просто взять и отказаться от своего имущества, — заметила Саванна.

— Она не отказывается насовсем, — возразила Каролина. — Существуют налоговые льготы. Знаешь, Артур, пожалуй, тебе стоит пересмотреть свое мнение. Прими во внимание один только налог на наследство.

— Земля — это прежде всего ценный актив, — отрезал Артур. — Вообще-то, дети, проблема элементарная, поэтому слушайте внимательно. Вы спрашивали, отчего я расстроен. Я вам отвечу. Моя дражайшая матушка вступила в объединение землевладельцев — нечто вроде рабочей группы по созданию природного заказника. Они привлекли к участию «Дакс анлимитед» и «Нэйчер консерванси»¹. На мой взгляд, попахивает государственным переворотом, — иронически усмехнулся он. — Началось с того, что Тед Тернер² оформил природоохранный сервитут на собственный остров Сент-Филлипс. А недавно проделал то же самое с плантацией Хоуп, находящейся не где-нибудь, а в бассейне АКЭ. Дальше подобная участь постигла плантации Сэмпсон-Бэй и Ботани-Бэй. Губернатор рассыпается в похвалах, называя эти действия примером сотрудничества государственных и частных организаций. Налицо проклятый эффект домино!

Каролина задумчиво постучала пальцем по подбородку.

— Бассейн АКЭ? Никогда о таком не слышала. Где он?

— Это аббревиатура, — ворчливо объяснил Артур. — Бассейн рек Ашепу, Комби и Эдисто.

— Ага, там, где находится Мэйфилд, — сообразила Каролина.

Артур испустил долгий раздраженный вздох.

— Да. Именно так. — Он покачал головой. — Мама не разлей вода с этой Бруси Александер из «Нэйчер консерванси», а ты ведь знаешь мою мать. Она вечно на передовой — спасает землю. Уже устроила заповедник на четы-

¹ Некоммерческие природоохранные организации.

² Тед (Роберт Эдвард) Тернер (р. 1938) — американский медиамагнат, основатель телеканала Си-эн-эн, известный своей филантропической деятельностью.

рех тысячах акров имения. Осталась последняя тысяча. Тот участок, где стоит усадебный дом. — Артур сделал паузу, чтобы цифры дошли до сознания собеседниц. — Необходимо ее остановить.

Я судорожно вздохнула, чувствуя, как материнское сердце надрывается при мысли о том, что сын, мой единственный ребенок, мне совсем чужой. Хуже того, он препятствует моим усилиям по защите Мэйфилда. Я и раньше понимала, что Артур не разделяет мои мечты и стремления, закрывала глаза на его ненасытную алчность и с родительской покорностью принимала особенности и недостатки сына. Но мне надоело слушать его сетования.

Приосанившись и вздернув подбородок, я вошла в столовую. Звон серебряных вилок тотчас стих, и все взгляды с удивлением обратились на меня.

Артур опомнился первым.

— Мама? Наконец-то! Вот и наша именинница. Садись, — предложил он, вставая. — Надеюсь, ты не возражаешь, что мы приступили к завтраку без тебя?

— Здравствуй, бабушка Элиза, — хором произнесли обе юные внучки.

Проходя мимо невестки, я встретилась с ней взглядом, и она женским чутьем тотчас поняла, что я всё слышала. Каролина опустила глаза, я же направилась к дальнему концу стола. Артур последовал за мной и галантно отодвинул для меня стул.

Когда я села, появилась моя горничная Камила с кофейником в руке и налила мне свежесваренный кофе, после чего обошла весь длинный стол, вновь наполнив чашки всех присутствующих.

— Желаете позавтракать? — спросила она у меня.

— Спасибо, Камила, не откажусь от тостов. — Я взяла со стола салфетку. — На большее меня не хватит.

Положив салфетку на колени, я глубоко вздохнула, стараясь не выдать огорчения. Потом окинула взглядом двух внучек — единственных дочерей моего единственного сына. Это были довольно интересные девушки, как выразилась бы моя мать. Овал лица и невысокий лоб обе унаследовали от Чалмерсов. Однако двадцатипятилетняя Эшли с ее классическими чертами южной красавицы — пышными светлыми волосами, большими, слегка навывкате голубыми глазами, пухлыми губами — больше походила на Каролину. Но в восемнадцатилетней Саванне я отчетливо различала черты своего первого мужа. Миниатюрная и тонкокостная, она была вылитый дедушка. Ей достались и его рыжие волосы. Увидев, что Саванна носит такие же круглые очки, какие были у Триппа, я еле сдержала улыбку. И спросила себя, есть ли в этой девушке хотя бы частичка его мягкосердечия.

— Должна кое в чем признаться, — великодушно улыбнулась я. — С каждым годом я чувствую себя все счастливее, встречаясь с вами. Спасибо, что приехали.

— Ну конечно, мама. Где же еще нам быть в этот день?

Я снова взглянула на внучек и ощутила прилив любви... и сожаления.

— Мне следует приложить все усилия, чтобы выкроить для вас как можно больше времени, мои дорогие девочки. Уверена, моя мать души бы в вас не чаяла.

— Жаль, что я не была с ней знакома. Мне нравится ее портрет, — заметила Саванна. — Настоящая красавица. Вот бы мне такие же темные волосы, как у нее.

— И такую же талию, — подхватила Эшли.

— Когда Слоан Биссетт дебютировала, она считалась первой красавицей сезона, — подтвердила я. — В ее честь слагали стихи, и она часто напоминала мне об этом. Когда мама возвращалась из Мэйфилда в Чарлстон, в этом

доме всегда толпились художники, музыканты, писатели, а главным образом поэты. — Я посмотрела на ее портрет, висевший над Артуром. Мама была изображена в полный рост, в белом туалете, с жемчугом и розами в темных волосах. В руке она держала гусиное перо. — Наиглавнейшей маминой страстью была поэзия.

— А твоей, бабушка Элиза? — Саванна приподняла уголки губ в легкой полуулыбке. — Твоя страсть — бизнес? Я тоже с улыбкой повернулась к ней.

— Бизнес? — Я на мгновение задумалась, после чего помотала головой. — Нет. Это то, в чем я преуспела, но не страсть. Быть может, лошади... Погоди, не то. Мэйфилд! Он и есть моя подлинная страсть. Земля, реки, животные... Всё вместе. Так было испокон веков. Там я счастливее всего. В Мэйфилде я на своем месте. В отличие от своей матери, я никогда не славилась красотой. И не любила вечеринки.

— Ты и сейчас их не любишь, — заметил Артур.

— Верно. Потому и предпочитаю Мэйфилд. Этот особняк, в котором мы находимся сейчас, необычайно красив, даже великолепен, но Мэйфилд — мой родной дом, хранитель богатой истории нашей семьи.

— Тогда зачем ты оформила сервитут на поместье? — спросила Саванна.

Ее вопрос мгновенно развеял сладостные ностальгические грезы.

— Ой, да замолкни ты, — рявкнула Эшли.

— Ради бога, давайте не будем портить завтрак, — проворчал Артур. — У вашей бабушки день рождения.

Я внимательно изучила лицо младшей внучки. Саванна смотрела на меня широко распахнутыми глазами, и никакой злобы в них я не заметила.

— Решение имеет прямое отношение к моему дню рождения, — пояснила я, переводя взгляд на сына. — Ведь

Мэйфилд олицетворяет то, за что я боролась всю свою жизнь. — Я положила руки на стол, одну на другую, и повернулась к Саванне: — Похоже, ты наслушалась отца.

Она закусила губу.

— Суть природоохранного сервитута часто недопонимают, — продолжила я. — Пока Мэйфилд мой, я в состоянии контролировать все, что с ним происходит. С помощью сервитута я смогу защищать территорию от застройки даже после своей смерти. Все очень просто. Я знаю, что твой отец считает, будто сервитут свяжет ему руки. Отнимет у него возможность продать землю или пустить ее под застройку. «И ради чего же?» — вопрошает Артур. — Я покосилась на сына и увидела, что тот удивленно выпучил глаза. Он наконец сообразил, что я подслушала их недавний разговор. — Ради того, чтобы сохранить Мэйфилд для вас, ваших детей и их потомков!

Воцарилось длительное молчание. Затем я снова обратилась к Саванне:

— Почему бы тебе не поехать со мной в Мэйфилд? Хочу помочь тебе понять, зачем надо защитить эту землю.

Светлые ресницы Саванны затрепетали.

— Надолго?

— Как пожелаешь.

Сверкнув глазами, она заявила:

— Ну конечно. Полагаю, я смогу поехать. То есть у меня не такие уж большие планы на лето.

— А как насчет стажировки в журнале? — заметил Артур. — Твоя мама пустила в ход все свои связи, чтобы устроить тебя в «Чарлстон мэгэзин».

— Меня пока что туда не пригласили, — нахмурилась Саванна. — Кроме того, это мамино желание, а не мое. Я предпочла бы поехать с бабушкой Элизой, да к тому же сто лет не была в Мэйфилде.

— Тебе лучше остаться в Чарлстоне, — решительно отрезал Артур.

Саванна уставилась в свою тарелку. Глаза ее сузились.

— Это важно для меня, Артур, — сказала я, раздосадованная вмешательством сына. — Собственно, почему бы тебе тоже не поехать? Со всей семьей. Не припомню, когда мы в последний раз собирались в Мэйфилде. — Эти слова прозвучали почти как жалобная мольба одинокой старухи. — Я очень сожалею, что мы так редко бывали там все вместе... Тем более что в эту пору в поместье настоящий рай, — добавила я.

— Увы, сейчас неподходящее время, мама, — проговорил Артур, разглаживая свою салфетку. — Собрание акционеров и все прочее. Возможно, осенью.

— Прости, бабушка, но я сейчас не могу, — выпалила Эшли. — Связана по рукам и ногам. Близнецы — сущее наказание, в довершение всего семья Роджера ждет нас в Хайлендсе.

— Может, приедете на выходные?

— Мы постараемся... — нехотя протянула Эшли.

— Папочка, пожалуйста, мне так хочется поехать, — предприняла еще одну попытку Саванна, украдкой бросив на меня исполненный сочувствия взгляд.

— Поговорим об этом позже, — изрек Артур. По его тону было ясно, что девочке не разрешат поехать.

Я закрыла глаза, глубоко разочарованная. Неужели сын никогда не испытывал тяги к Мэйфилду? Не слышал рассветный зов кроншнепа, не видел, как пробивается сквозь искривленные ветви вечнозеленого дуба солнечный свет, не вдыхал аромат солончаковых грязей после дождя? Почему человек осознает важность наследия, которое оставит после себя, именно в конце жизни, когда ускользящее время так драгоценно? Разве можно себе

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

МЭРИ ЭЛИС МОНРО
ГДЕ СЛИВАЮТСЯ РЕКИ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Светлана Лисина
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Людмила Виноградова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 03.06.2026.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 26,48. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®,	ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Малоохтинский пр-т, д. 68	195112, Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

R-55G-38263-01-R